

*Ярослав Вежбиньски**

СВОЕОБРАЗИЕ ЗОЩЕНКОВСКОГО СЛОГА ОТКЛОНЕНИЯ ОТ ЯЗЫКОВОГО РЕГЛАМЕНТА

Язык художественных текстов Михаила Зощенко находится в тесной зависимости от эпохи, в которой писателю пришлось заниматься литературной деятельностью. Словесная организация его произведений обусловлена, следовательно, рядом исторических предпосылок и других экстралингвистических факторов, существенных для послереволюционного периода.

После революции люди оказались в совершенно новых условиях. Сам писатель подчеркивал, что «Старой России нет... передо мной – новый мир, новые люди, новая речь» (цит. за: Ершов 1973: 6). Внутренняя ситуация России во многом осложнилась. Революция не преодолела общественных конфликтов а социальные контрасты скорее усилились. Многие с трудом находили свое место, поскольку трудно было разобраться в новой обстановке. Зощенковский герой и повествователь прямое свидетельство этих сложных исторических процессов.

В поисках духовного и нравственного перерождения человека Зощенко осуждал и обличал различные искривления и пороки в послереволюционной жизни России. Писатель избрал для этого краткую форму повествования – новеллу, рассказ, зарисовку, юмореску. В центре его рассказов оказывается преимущественно простой и малокультурный мещанин, обыкновенный «маленький» человек, который живет по-старому и еще не привык к тому, чтобы самостоятельно принимать решение и действовать. Мещанин того времени – это «злоствующий обыватель, согнанный с насиженной лежанки, думать не умел, трудиться не желал, в коммунизм не верил. Главной его задачей было – маскироваться и ждать ... Пройдохи разного калибра рядились в рабочие блузы, толкали революционные речи, старались дойти в доверие к новой власти» (Антонов 1984: 210). Тот же мещанин старался всячески приспособиться к окружающей действитель-

* Лодзинский университет.

ности. Общественно-политические преобразования повлекли за собой изменения в отношениях между людьми, что привело к изменениям в области языка. Данное стремление нашло свое отражение также в речи зощенковских героев.

Специфика зощенковского слога в этой области находит отражение, в частности, в работах Томашевского (1986, 1992), Синявского (1989), Рубена (2001), Крепса (1986), Дравича (1985), Мухы (1985), Захариевой (1989), Пююккё (1993), Грау (1986) и др. Этой проблематике посвящается также настоящая статья, дополняющая имеющиеся в литературе сведения по вопросу словоупотребления в текстах писателя и развивающая отдельные положения о стилиобразующих факторах в его творчестве.

В произведениях Зощенко рядом с фактами нормативными сосуществуют явления, которые далеки от литературных стандартов. Его тексты отражают разговорный язык, который, как и живое общение, отличается во многом от нормализованной и литературно складной, обработанной речи.

В сочинениях писателя, кроме обиходных фраз, просторечных и областных слов, демонстрируются также различные деформации и отклонения от языкового регламента, которые прослеживаются на всех уровнях языка – фонологическом, морфологическом, грамматическом, лексико-семантическом и стилистическом. Нелитературные лексические единицы и неправильные грамматические формы засвидетельствованы в следующих примерах:

(1) – [...] Деньги *требоваешь* за проезд. С родного дядю? Ты не махай на меня руками. Хотя ты мне и родной родственник, но я твоих рук не *испужался*. (1, 240)¹

(2) – Довольно свинство с вашей стороны. Которые без денег – не *ездут* с дамами. (1, 173)

(3) – Приходите, говорю, Катюша, ко мне на квартиру. У печки, говорю, посидим. После *фильму* пойдем посмотрим. (1, 287)

(4) [...] она, с перепугу, что ли, дверь поскорее хлопнула и руку мне прищемила по локоть. Я ору благим матом и кручусь перед дверью, а *ихняя пудель* заливается *изнутри*. Даже до слез обидно. О чем имею врачебную записку, и, *окромя* того, кровь и *теперь текеть*, если, например, ежедневно сдирать болячки. (1, 162)

(5) – С чего бы, говорю, вам некогда? Какие, *извините за сравнение*, дела-то у вас? А парнишечка, дитя природы, отвечает басом: – Стареть начнешь, коли знать будешь много. Вот, думаю, *какая парнишечка попалась*. (1, 297)

¹ Примеры приводятся с указанием на том и страницу по изданию: М. Зощенко, *Собрание сочинений в трех томах*, Ленинград 1986–1987 (Курсив в цитатах наш. – Я. В.).

В контекстах проиллюстрированы различные нарушения языкового узуса. В примерах (3), (4), (5) обращают внимание отклонения от родовой нормы, что сказывается естественно и на звуковом оформлении слов или целых выражений. Ошибочная родовая отнесенность деминутивного деривата *парнишечка* определяет выбор в примере (5) словоформ *какая* и *попалась* вместо корректных форм мужского рода *какой* и *попался*. Нелишне отметить, что выражение *извините за сравнение* в этом примере лишено смысла, поскольку ставится вопрос, а сравнение как таковое отсутствует; ничто здесь не поддается никакому сравнению.

Существительное *пудель* в примере (4) отнесено к женскому роду, на что указывает родовая разновидность просторечной формы притяжательного местоимения *ихняя*. Нормативная модель сочетаемости требует в данном случае отнесенности к мужскому роду. В примере (3) родовая принадлежность существительного *фильм* тоже противоречит нормативной парадигме склонения.

В примерах нарушаются флективные нормы языка. Деформация привычных окончаний прослеживается также в примерах (1), (2). Нарушаются фонологические закономерности образования ряда словоформ: *требовашь* (1) вместо *требуешь*, *испужался* вместо *испугался*; *текеть* (4) вместо *течет*. Часть словоформ в примерах принадлежит к просторечным образованиям. Ср. с этой точки зрения возвратный глагол *испужался* (1), наречие *теперь* (4) и др.

Об отклонениях от языковой нормы свидетельствуют выпадения звуков или вставки, редукция фонем и/или замена одних звуков другими. Ср.:

(6) Так вот подошли мы к старичку. Позвали *фершала*. *Фершал* ранку осмотрел. (1, 52)

(7) – Палька, говорим, откройся, *ослобони* свою совесть. Чем ты, говорим, бродяга, кормишься? (1, 344)

(8) – [...] Я, говорю, хотя и безработный и питаюсь не ахти как, но говорю, спички есть. *Взойдите*. (1, 252–253)

В этих контекстах звуковые просчеты самоочевидны, но, к тому же, они по-разному сказываются на смыслах слов. В примерах (6), (7) они не меняют узуальных значений, в то время как в примере (8) вместо *войдите* используется *взойдите* в данном значении, которое уже мало кем осознается ныне как устаревший и просторечный вариант для слова *войдите*. Лексема *взойти* семантизируется в современном русском языке следующим образом: 1. Идя, подняться куда-либо (*взойти на гору*); 2. Появиться, подняться над горизонтом (*взошло солнце*); 3. *Разг.* Вздуваясь, подняться (*взошло тесто*); 4. Проросши, показаться над поверхностью почвы (*семена взошли*); 5. в значении *войдите* с указанными выше стилистическими пометами.

Слова у Зоценко обрастают непривычными смыслами или же подвергаются переосмыслению. Часто они лишаются своего словарного смысла. Взяв, к примеру, функционирование термина *аудиенция* в следующей конситуации: обеспокоенный вопросами прохожего ночной сторож, который караулит магазин (он между двух закрытых дверей), выражает свое недовольство по этому поводу:

(9) – [...] Налил мне водички и иди себе с богом. Только мне спать мешаешь. Трещишь как сорока. Тут сторож допил свою воду, вытер рот рукавом и закрыл глаза, желая этим показать, что *аудиенция* закончена. (2, 451)

Заемствованное слово *аудиенция* (от лат. *audientia* – слушание) по словарям обозначает официальный прием у лица, занимающего высокий государственный пост.

Иноязычная лексика, которой так охотно пользуется зоценковский повествователь, теряет свои смыслы. Такие слова часто применяются им в самых неожиданных контекстах и вопреки закреплённой за ними семантике. Они используются нередко также в извращённой форме. В качестве речевых средств в произведениях Зоценко вполне справедливо называется „прием обесмысливания иноязычных слов” (Пююккё 1993: 123).

Неизменяемые по падежам и числам слова в речи зоценковских персонажей неоднократно подвергаются изменениям. Несклоняемое существительное *пальто* приобретает падежные окончания как в единственном, так и в множественном числе, причем отдельным формам могут сопутствовать некоторые другие звуковые деформации. Ср.:

(10) Хорошо. Надеваю эти штаны, иду за *пальтом*. Пальто не выдают – номерок требуют. [...] Веревка тут, на ноге, а бумажки нет. Смылась бумажка. (1, 279)

(11) – По веревке, говорит, не выдаю. Это, говорит, каждый гражданин настрижет веревоч – *польт* не напасешься. (1, 279)

Существительное *кофе* несклоняемое. Флексивные изменения обнаруживаются для вариантов *кофей* и *кофий*, которые, однако, имеют устаревший и просторечный характер. Ср.:

(12) – [...] Не будь его [телеграфиста], я бы, Машка, вчера еще с Домной Павловной *кофей* бы пил... (2, 20)

(13) А Авдотья Петровна выкушала два стакана *кофея*, кроме съеденных булок [...] (1, 209)

(14) – [...] Так ты бы его к столу пригласил. Сказал бы: вот, мол, Домна Павловна *кофею* просит выкушать... (2, 24)

Нарушения в области синтаксиса могут быть проиллюстрированы употреблением предлога *в* (*во*):

(15) Он [врач] послушал через трубку мое утомленное сердце и говорит: – Небось высокогато живете? *В пятом* или *в шестом этаже*? Эвон как сердце трепыхается. – Нет, говорю, живу *во втором этаже*. (2, 440)

(16) Все жильцы, и я в том числе, сожалели, что кантора у нас находится не *в седьмом этаже*, а *в первом*. (2,458)

Показательна в этом отношении также речь иностранца:

(17) Но что касается восьми часов, то в восемь часов, любезный коллега, мы уже *идем в концерт*. (2, 408)

Среди речевых средств, к которым прибегает Зощенко, особую стилистическую активность обнаруживают выражения, в которых соединяются семантически несовместимые понятия. Создаются, таким образом, словесные единства, которые противоречат устоявшимся связям слов. Ср.:

(18) Одна симферопольская жительница, зубной врач О., *вдова по происхождению*, решила выйти замуж. (3, 206)

Основное словарное значение лексемы *происхождение* касается принадлежности человека по рождению к какой-либо нации, классу, сословию. По рождению можно быть, к примеру, крестьянином, рабочим, а также русским, поляком, венгром и т.д. Обычно это слово определяет социальное происхождение, т.е. принадлежность людей к данным слоям в обществе, но никак оно не ассоциируется со статусом вдовы. Вдовой оказывается женщина после смерти мужа, а не от, предположим, классовой принадлежности. Фраза *вдова по происхождению* совершенно нелепа по смыслу.

(19) – [...] товарищ докторша, рубашку переменял, а другое, извиняюсь, не трогал. Вы, говорит, на них [ноги] не обращайтесь внимания во время операции. Докторша, *утомленная высшим образованием*, говорит: – Ну, валяй скорей. Время дорого. (1, 399)

Причина такой утомленности вызывает по крайней мере недоумение. Утомленным человек становится, скажем, от интенсивной деятельности, сопровождающейся большим напряжением, от усиленной умственной и/или физической работы. Испытывать усталость по поводу высшего образования, т.е. из-за совокупности знаний, полученных когда-то в результате обучения в мединституте – настоящий абсурд.

(20) – Предлагается, – сказал городской товарищ, – *выставить кандидатуру лиц*.

Михайло Бобров [...] сделал жест, приглашая немедленно *выставить кандидатуру лиц*. Общество молчало. (1, 273)

Между компонентами любого выражения должны соблюдаться семантико-грамматические отношения. В данном случае эти связи деформируются. Проявлением языковой нормы является синтаксическая структура *выставить чью-нибудь кандидатуру*, т.е. выдвинуть кого-то, предложить для обсуждения, для избрания куда-либо. За выражением *выставить кандидатуру* следует в узусе фамилия того, кто предполагается к избранию.

Показательны в речи зощенковских персонажей и такие смысловые и синтаксические ляпсусы:

(21) /Жена мужу:/ [...] я служить не буду. *Я не имею намерения в душной канцелярии терять высокую квалификацию своей красоты и молодости.* (3, 246)

(22) /Инвалид Гаврилыч отвечает соседям:/ [...] не могу я теперича уйти. Мне, говорит, сейчас *всю амбицию в кровь разбили.* (1, 323)

Выделенные словесные конфигурации в примерах (21), (22) полностью извращают логичный ход рассуждений. Регламентированный способ выражения нарушает и такая конструкция:

(23) Ну, напишешь ему [больному]: душевная болезнь, и *с этой диетой отпускаешь.* (2, 241)

Речь идет о распознавании болезни, о диагнозе и это отождествляется с диетой, которая обозначает соблюдение определенного режима питания при различных заболеваниях.

Разумным умозаключениям противоречит также следующая иллюстрация:

(24) Конечно, ему чудные похороны закатали. *Музыка играла траурные вальсы.* (2, 339)

Сочетание *траурные вальсы* оксюморонного типа, т.е. в нем соединяются слова, которые взаимно исключаются. На похоронах исполняется, как правило, траурный марш, а не вальс, музыка которого выдержана в ритме плавного танца и в радостных тонах. Траурных вальсов не бывает, в то время как марши могут быть веселыми и печальными, мрачными.

Очень выразительны и такие смысловые несоответствия лексических единиц, которые являются по существу результатом „антонимической подмены” (определение Крепса 1986: 39). Ср.:

(25) И пес ее знает, откуда она [свинья] забрела. Но факт, что забрела и явно *нарушает общественный беспорядок.* (1, 506)

(26) – Глядите: больной, и еле он ходит, и чуть у него пар изо рта не идет от жара, а также, говорит, *наводит на все самокритику.* (2, 268)

Нарушать можно *общественный порядок*, а *наводит на все* – *критику*. Выбор словоформ *порядок* и *критику* определяется семантико-грамматическими свойствами соответствующих глагольных форм: *нарушать* и *наводит*. В речи зощенковских персонажей такие нормативные связи между словами однако обрываются за счет введения антонимичных слов. Из приведенных контекстов (25), (26) следует: в первом случае – нарушается то, что уже само по себе является отсутствием или нарушением порядка; во втором же получается, что больной критически относится к себе, вскрывает собственные ошибки, на самом деле герой критически относится к персоналу больницы, выявляя его недостатки по уходу за пациентами.

В ряде примеров прослеживаются случаи неуместной сочетаемости слов. Прилагательное *интеллигентный* употребляется обычно в сочетании с одушевленными существительными, напр.: *интеллигентный ученик, человек* и т.д. Между тем данное определение встречается в ином окружении:

(27) Приносят, конечно, мне лимонаду на *интеллигентном подносе*. (1, 363)

Ср. также:

(28) И сам ученый агроном прищурил свои *ученые глаза* и велел мальчишкам отойти от тележки, чтобы видней было. (2, 11)

Прилагательное *ученые* в нормативной речи не сочетается с существительным *глаза*. Оно обычно употребляется в случае характеристики многознающего человека. Поэтому стандартное употребление это *умные глаза*. К тому же из рассказа следует, что образованность агронома значительно переувеличена.

Небезынтересно употребление в речи зощенковских героев глаголов:

(29) – [...] Я человек без высшего образования, *писать знаю* плохо. (1, 222)

Отмеченная сочетаемость глаголов противоречит грамматическим нормам.

Очередной алогизм основан на неправильном употреблении существительного *пикничок*. В словарном толковании оно обозначает загородную прогулку с закуской, совершаемую компанией. В рассказе же данное существительное употребляется совсем неуместно, поскольку рассказчик называет этим словом поминки, ср.:

(30) Тут недавно маляр Иван Антонович Блохин скончался по болезни, а вдова его, средних лет дамочка, Марья Васильевна Блохина, на со-роковой день небольшой *пикничок* устроила. (1, 305)

Несопоставимость слов оксюморонного характера прослеживается в следующем примере:

(31) Час или два писал, вспотел, но написал: «Я здоров, и папаша *покойный здоров* во имя отца и святого духа. Дворник дома № 6. Андрон». (1, 223)

Значения рядом стоящих слов (*покойный здоров*) взаимоисключаются, их употребление указывает на нелепость ситуации, в которой оказались герои рассказа.

От любого текста ожидается, как правило, движение содержания, его развертывание, т.е. тема-рематическая прогрессия очередных сегментов. Речевые единицы в речевом потоке должны объединяться по смыслу. Коммуникативная последовательность высказываний нуждается также в соблюдении грамматических, логических, стилистических связей. Между тем, зощенковский герой достаточно регулярно объединяет слова произ-

вольно, нарушая или полностью обрывая связи между единицами текста. Примером может послужить следующий фрагмент обращения чиновника к женщинам за их раскрепощение:

(32) – Гражданки! Вы которые эти белые рабыни плиты и тому подобное. И которые деспот муж элемент несознательно относится. И кухня которая эта и тому подобное. Шитье одним словом. Довольно этих про этих цепей. Полное раскрепощение, к свету нога об руку с наукой и техникой. (1, 267)

* * *

Язык зощенковских текстов не подражает литературной речи. Он не приспособляется трафаретным образцам, а характеризуется нарушениями в области флективных парадигм и грамматической категории рода, отсутствием – в ряде случаев – логической последовательности и формальной гармонии между единицами текста, наличием необычных смысловых оттенков и переосмыслением слов. Ему свойственны особые сочетания и синтаксические построения, доведенные, иной раз, до абсурда. Критика не щадила в свое время писателя по поводу передачи столь деформированной речи. В действительности же, Зощенко типизировал тот язык, на котором говорили широкие слои населения в послереволюционный период. Писатель „стремился зафиксировать многое из речевой стихии времени и комически это использовать” (Пююккё 1993: 122). Произведения Зощенко являются в этом отношении богатейшим воплощением языковой действительности во всем ее многообразии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антонов С. М.** (1984), *М. Зощенко. Становление стиля*, „Литературная учеба”, № 6, с. 203–213.
- Аулов А. М.** (1998), *Рассказы М. Зощенко 20-х годов. Проблема жанра и стиля*, Москва (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук).
- Вежбиньски Я.** (1995a), *Иноязычные вкрапления в русской художественной литературе (на материале произведений Михаила Зощенко)*, [в:] *Beiträge zur Slavistik*, Band 27, Innerslavischer und slawisch-deutscher Sprachvergleich. H. Jelitte, T. P. Troškina (Hrsg.). Frankfurt am Main–Berlin–Bern–New York–Paris–Wien, с. 241–253.
- Вежбиньски Я.** (1995b) = **Wierzbiński J.**, *Język utworów Michaila Zoszczenki w konfrontacji przekładowej*, „Slavia Orientalis”, t. XLIV, nr 2, с. 203–214.
- Вежбиньски Я.** (1999) = **Wierzbiński J.**, *Stylistyczny fenomen języka artystycznego Michaila Zoszczenki*, Łódź.

- Грау М.** (1986), = **Grau M.**, *Нарушения лексической, лексико-семантической и семантической сочетаемости в рассказах двадцатых годов М. М. Зоценко*, [в:] *Hamburger Beiträge für Russischlehrer*, Band 35, Hamburg, с. 67–79.
- Гуль Р.** (1993), *Михаил Зоценко, „Дружба народов”*, № 8, с. 201–203.
- Дравич А.** (1985) = **Drawicz A.**, *Moralista z powołania, humorysta mimo woli*, [в:] *M. Zoszczenko, Punkt widzenia. Opowiadania i powieści*, Warszawa, с. 529–540.
- Ершов Л. Ф.** (1973), *Из истории советской сатиры*, Ленинград.
- Захариева И.** (1989), *Рассказы Михаила Зоценко, „Болгарская русистика”*, № 1, с. 9–19.
- Крепс М.** (1986), *Техника комического у Зоценко*, Benson, Vermont.
- Молдавский Д.** (1977), *Михаил Зоценко. Очерк творчества*, Ленинград.
- Муха В.** (1985) = **Mucha W.**, *Opowiadania satyryczne i humorystyczne Michaila Zoszczenki (1921–1932). Z zagadnień poetyki i komunikacji literackiej*, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź.
- Муха В.** (1991) = **Mucha W.**, *Zoszczenko w Polsce. O niektórych aspektach teorii i praktyki przekładu artystycznego*, [в:] *Przekład artystyczny*. Т. 1: *Problemy teorii i krytyki*, „Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego w Katowicach”, Nr 1146, с. 110–119.
- Пююккё Р.** (1993) = **Pyykko R.**, *Отражение лексических изменений послереволюционного периода в рассказах Михаила Зоценко*, „*Studia Slavica Finlandensia*”, т. X, с. 119–131.
- Рубен Б.** (2001), *Алиби Михаила Зоценко*, Москва.
- Синявский А.** (1989), *Мифы Михаила Зоценко*, „Вопросы литературы”, № 2, с. 50–67.
- Томашевский Ю.** (1986), *Рассказы и повести Михаила Зоценко*, [в:] **М. Зоценко**, *Собрание сочинений в трех томах*, т. 1, Ленинград, с. 5–24.
- Томашевский Ю.** (1992), *Пятнадцать минут из жизни Музы*, Столица, № 8, с. 61–62.
- Филимонова А. А.** (1996), *Ритмико-звуковая и лексическая организация сатирической прозы М.М. Зоценко*, Борисоглебск.
- Яцкевич М.** (1991) = **Jackiewicz M.**, *Elementy groteski w krótkich opowiadaniach Michaila Zoszczenki*, [в:] *Małe formy w literaturze rosyjskiej. Słowo w tekście rosyjskim. Literaturoznawstwo*, Olsztyn, с. 97–105.

Jarosław Wierzbński

SPECYFIKA JĘZYKA UTWORÓW M. ZOSZCZENKI ODSTĘPSTWA OD ZASAD NORMATYWNYCH

Streszczenie

Michaił Zoszczenko wykazał się w swoich utworach genialnym wyczuciem języka potocznego, który ukształtował się w Rosji po rewolucji 1917 r., a więc w okresie burzliwych przemian ustrojowych i licznych sprzeczności społecznych. Fenomen tego pisarza polega na wciąż niesłabnącym zainteresowaniu zarówno czytelników, jak i badaczy specyfiką języka jego utworów. Tę odzwierciedlają rozliczne wypowiedzi bohaterów Zoszczenki. W ich replikach, dialogach i monologach występuje szereg usterek ortoepicznych, ortograficznych, gramatycznych, słowotwórczych, semantycznych, stylistycznych i składniowych. Odstępstwa dotyczą zasad fleksyjnych, deklinacyjnych, przynależności rodzajowej, nielogicznych i nienormatywnych związków wyrazowych. Prezentacji tej kwestii poświęcono niniejszy artykuł.